

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-145-154

ПОНЯТИЕ «МЕЖРАСОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ» В КИТАЙСКО-АФРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Е.Г. Зуева, А.В. Минеева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются проблемы повседневного взаимодействия китайцев и африканцев, которые часто интерпретируются в историографии и медиа как межрасовые противоречия. Анализируя несколько резонансных конфликтов на бытовой почве, произошедших в период активизации двусторонних отношений Китая и стран Африки (1962–2017 гг.), исторический контекст событий, идеологические установки, авторы делают вывод, что под используемым термином «межрасовые противоречия» чаще всего скрываются сложные социальные проблемы китайского общества (неравенство и социально-имущественная поляризация населения, отсутствие свободы слова, незаконная миграция и др.), зачастую не связанные напрямую с взаимодействием представителей Китая и Африки.

Ключевые слова: Китай, Африка, межрасовые противоречия, конфликты, социальное недовольство, незаконная иммиграция

Введение. Большинство представителей средств массовой информации, общественности и некоторые исследователи трактуют возникающие в процессе повседневного взаимодействия китайцев и африканцев конфликты как противоречия на почве расового неприятия. Однако, анализируя традиционные китайские представления о мироустройстве, а также идеологию коммунистического Китая времен Мао Цзэдуна, можно сделать вывод, что в них нет места понятию именно расовых противоречий. Таким образом, следует разобраться: отражает ли в контексте китайско-африканских отношений термин «расовые противоречия» именно проблему межрасовых контактов. Для этого необходимо изучить описания конфликтов на бытовой почве в период развития активных контактов Китая со странами Африки с 1962 г. по 2017 г., содержащиеся в источниках личного происхождения, китайских социальных медиа, материалах англоязычных СМИ; проанализировать причины и поводы конфликтов, позиции сторон, последствия через призму исторических условий и динамику их развития.

Исследование проблемы. В течение более чем 50-летнего периода взаимоотношений были зафиксированы три волны так называемых межрасовых противоречий между китайцами и африканцами.

Противоречия 1960-х гг.

Первая волна так называемых межрасовых противоречий между китайцами и африканцами поднялась в 1960-е гг., когда китайско-африканское взаимодействие делало свои первые шаги. В связи с потребностями развития двусторонних отношений в КНР стали приезжать первые африканцы: дипломаты, студенты, работники СМИ. По данным китайской статистики, в течение 1961–1962 гг. 42 африканских студента из 75, находившихся в КНР, вернулись на родину до окончания официального срока обучения. В 1963 г. в КНР осталось 29 студентов из Африки [1. Р. 15–16]. Среди последних был Джон Хеви – учащийся медицинского факультета Пекинского университета из Ганы, который в своих воспоминаниях «Африканский студент в Китае» [2] подробно описал причины массового бегства африканцев из Китая. По его сведениям, в 1960–1961 гг. из стран Африки в Китай приехали 116 студентов. Именно от этого количества в марте 1962 г. осталось 75 обучающихся, большинство из которых ожидало разрешения на выезд из страны.

Одной из главных причин массового отъезда Дж. Хеви назвал инцидент, произошедший в Пекине в 1962 г., когда в гостиницу «Мир» пришли два студента из Занзибара и Монголии. Занзибарец хотел купить сигарет в местном магазине, но китайский продавец отказался их ему продать. Между покупателем и продавцом завязался спор, на который обратили внимание охранники гостиницы. Они оттащили африканца в подсобку и стали избивать (обычная практика предписывала просто выставить шумного покупателя из отеля). Позднее в холл спустились постояльцы – супружеская пара из Занзибара (женщина на 7-м месяце беременности). Гнев сотрудников отеля перекинулся на них. Далее известно только, что африканцам понадобилась медицинская помощь. Сведений о том, что произошло с участниками инцидента с китайской стороны, нет. Китай всячески старался не допустить утечки информации о происшествии, но она быстро распространилась среди африканцев, находившихся в Пекине. Они единогласно квалифицировали отношение китайцев к занзибарцам как проявление расизма [2. Р. 162–164].

Автор воспоминаний именно с этим происшествием связывает бегство африканцев из Китая в начале 1960-х гг. Однако в его воспоминаниях мы находим текст коллективной петиции учащихся из Занзибара и Камеруна [3], в которой перечислены различные моменты, вызывающие у студентов из Африки недовольство их пребыванием в КНР и свидетельствующие о том, что противоречия в отношениях встречались и до этого случая.

Во-первых, африканских студентов не устраивал запрет на дружбу африканских и китайских студентов. Наиболее строго ограничивалась дружба афри-

канцев с китайками. Наказывали за это китайских девушек – их отправляли на «перевоспитание» подальше от города. По официальной версии, запрет был введен в целях предотвращения проституции, но он не коснулся других иностранцев. Африканские студенты были возмущены тем, что только их подозревали в тяге к совершению каких-либо противозаконных, аморальных поступков.

Во-вторых, африканцы считали, что местное население относится к ним презрительно и даже с ненавистью. По мнению студентов из Африки, на них смотрели даже не как на представителей другой расы, а как на животных. В некоторые гостиницы и магазины вход африканцам был запрещен.

В-третьих, африканцев возмущало бездействие контролирующих органов и невнимание местных властей к их жалобам.

Из этого автор дневника делает вывод, что тяжелая моральная обстановка и вероятность новых конфликтов отпугнули учащихся в КНР африканцев от дальнейшего участия в развитии китайско-африканского образовательного сотрудничества.

Но, несмотря на довольно жесткую риторику обвинителя, обратим внимание на предпосылки конфликтности китайской стороны.

По данным того же Дж. Хеви, материальное содержание *иностранного* (не только африканского) студента в течение первого семестра 1960–1961 учебного года составляло 80 юаней (после зимних каникул оно было повышено до 100 юаней), а китайского – всего 10. Также в распоряжении иностранных студентов был отдельный буфет, где продавали настоящие деликатесы (печенье, конфеты, фрукты), алкогольные и безалкогольные напитки, сигареты. Автор воспоминаний жил в одном общежитии со студентами из Непала, Индонезии, Албании, Вьетнама. У каждого там была своя комната. В общежитии для китайцев одну комнату делили между собой восемь студентов либо три-четыре преподавателя [2. Р. 47–48, 113–114]. Следует заметить, что условия жизни китайских и иностранных студентов в КНР отличаются и в настоящее время, но это не вызывает каких-либо внутренних противоречий: образование – это еще и школа жизни. Даже если китайский студент живет в том же городе, где находится его ВУЗ, вне зависимости от социального происхождения, он должен весь период обучения прожить в общежитии в условиях не менее стесненных, чем его предшественники. С питанием же стало лучше: на территории кампусов выстроены крупные столовые корпуса, доступные как китайцам, там и иностранцам.

Противоречия 1980-х гг.

Вторая волна межрасовых противоречий пришлась на конец 80-х гг. XX в. Бэкграундом очередного всплеска социальной неприязни к африканцам стало общее повышение протестной активности китайцев. В Пекине вне корреляции с противоречиями между китайцами и африканцами это привело к событиям на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.

Что касается межрасовых противоречий, то ситуация стала набирать обороты в 1979 г. в Шанхайском текстильном институте, развивалась в 1986 г. в Тяньцзиньском университете и апогея достигла в 1988–1989 гг., выразившись в общегородских волнениях в Нанкине. Поводы во всех трех случаях были аналогичными: в двух из них африканские студенты слушали музыку громче, чем было положено, в последнем – нарушили правила проведения праздников, пригласив на рождественскую вечеринку трех китайок (правда, у последних были паспорта гражданок Гонконга).

Развитие конфликта происходило по схожим сценариям: драки (в некоторых случаях с большим количеством пострадавших с обеих сторон, например, в Шанхае были госпитализированы 24 китайских и 50 студентов-иностранцев), взаимные обвинения в непристойном поведении.

Китайцы разными способами обращали внимание на расовые различия (называли африканских студентов «черными чертями», одного облили черной тушью, потому что цвет его кожи показался им «недостаточно черным») и пренебрежение африканцами регламентом учебных заведений. От конфликта во всех случаях африканцы бежали на вокзалы: они надеялись уехать в Пекин и найти там защиту и покровительство своих посольств. В двух первых случаях китайская сторона реагировала на происшествие усилением пропаганды интернационализма в студенческой среде и настаивала на том, что корни противоречий крылись в культурных различиях. Только в Нанкине власти выступили за усиление контроля за жизнью африканских студентов и потребовали от них строго соблюдать университетский регламент [4. Р. 73–74].

В период китайских протестов в Нанкине один из деканов университета с 30-летним стажем работы возмутился, почему стипендия африканских студентов на «мелкие расходы» больше его заработной платы [4. Р. 74]. Это был первый случай в китайско-африканских отношениях, когда представитель китайской стороны официально признал, что среди причин его недовольства присутствует недовольство социальным неравенством. Учитывая единообразие условий, в которых происходило взаимодействие китайцев и африканцев, можно предположить, что в 60-е гг. негатив в отношении студентов из Африки тоже диктовался разницей в социальном обеспечении.

Американский исследователь Георг Крейн обратил внимание на то, что помимо конфликта со студентами из Африки в Нанкине высокая протестная активность местных студентов проявлялась и по другим поводам. Особенно ярким в этом контексте стал 1989 год. Весной в городе прошли манифестации в память о Ху Яобане (1915–1989), тогда же начались демонстрации в поддержку выступления пекинской молодежи на площади Тяньаньмэнь, которые завершились только в начале июня 1989 г. Эти факты позволили Г. Крейну предположить, что произошедший ранее конфликт китайских студентов с африканскими не являлся следствием антропологических различий. Китайцы выразили общую неудовлетворенность степенью защиты их прав и свобод и, как следствие, – социальным неравенством с иностранцами. Критика дей-

ствующей правовой системы была доступна им через демонстрацию фактов нестрогого соблюдения университетского регламента иностранцами, тогда как для китайцев он был обязательным [5. Р. 404–405, 409].

Противоречия 2000-х гг.

Третья волна противоречий между китайцами и африканцами на бытовом уровне пришлось на первые 17 лет XXI в. В этот период интенсификация всех направлений китайско-африканского сотрудничества, превалирование торгово-экономических интересов привели к активным двусторонним миграциям. Меньшая часть африканцев поехала в Китай в поиске перспектив своего личного развития – получить образование, повысить квалификацию. Большинство же выступает в роли торговых посредников: они ищут производителей и поставщиков всевозможных товаров широкого потребления для покупателей в своих странах. Китайцы стали массово приезжать на африканский континент вследствие роста там экономического присутствия КНР. Некоторые едут централизованно как сотрудники корпораций (менеджеры, рядовые сотрудники), другие – в поиске насущного заработка (чернорабочие, торговцы, работники сферы услуг).

Конфликты 2000-х гг. разворачиваются уже на другом фоне. Повседневное общение китайцев и африканцев в некоторых регионах КНР и странах Африки стало неременным атрибутом текущей жизни.

В связи с активизацией контактов чаще стало проявляться и взаимное недовольство. Расширились социальные и географические границы возможных противоречий. Во-первых, несмотря на то, что работа по воспитанию духа интернационализма среди китайских студентов принесла свои плоды, теперь взаимодействие происходит на уровне разнообразных профессиональных общностей (рабочие, сотрудники сферы услуг), представители которых не всегда готовы к поиску конструктивных решений спорных вопросов. Во-вторых, взаимодействие происходит не только в КНР, но и на африканском континенте.

В китайском Гуанчжоу – городе, где многие говорят о наличии африканской диаспоры в Китае, массовые протесты среди иммигрантов с континента в 2009 и 2012 гг. были вызваны гибелью африканцев. Следует заметить, что в предшествующие периоды протесты обычно выражало местное население, а африканцы искали защиты у диппредставительств и мирового сообщества.

Погибший африканец в 2009 г. разбился насмерть, выпрыгнув из здания с 18-метровой высоты, скрываясь от проверки документов, так как находился на территории КНР нелегально. Китайская сторона осталась непреклонна, несмотря на протесты более сотни представителей африканской диаспоры, пояснив, что несчастный случай не может стать помехой для продолжения борьбы с незаконной иммиграцией [6].

В 2012 г. 28-летний африканец нигерийского происхождения скоропостижно скончался в полицейском участке, куда его отправили после задержания из-за

спора с местным водителем об оплате проезда. Представители африканской диаспоры снова вышли на улицы Гуанчжоу с протестами.

В данном случае активную роль в недопущении разрастания конфликта сыграло посольство Нигерии в КНР. Оно сразу же направило своих сотрудников в Гуанчжоу, чтобы на месте пообщаться с представителями китайской стороны, а также успокоить участников манифестаций. Также нигерийская сторона потребовала допустить своих специалистов к участию в судебно-медицинской экспертизе [7, 8, 9].

Китайский поисковый сайт Baidu не дает ссылок на первоисточник новости: текст публиковался на новостных порталах, в социальных сетях. При поиске информации через Google появляются ссылки на сайты китайских версий зарубежных СМИ, в том числе «Бибиси». Авторы материалов единогласно ссылаются на американское новостное агентство Блумберг.

Таким образом, о реакции официального Пекина на происшедшее судить сложно, однако социальные сети сохранили реакцию рядовых китайцев. В комментариях к этой новости никто из китайцев не пожалел о смерти нигерийца, в них приведены примеры множества случаев нарушения закона мигрантами из Африки. Граждане КНР обвинили свое правительство в бездействии при решении проблемы незаконной миграции. Авторы комментариев согласны с тем, что скоропостижная смерть африканца в полицейском участке требует расследования, но для них данный случай является дополнительным подтверждением того, что проблема африканцев в Китае становится все более значимой и заслуживает внимания властей.

В отличие от предыдущих периодов, когда информация о пребывании в Африке китайцев была доступна только из китайских же официальных СМИ, повествовавших об исключительно положительном опыте общения, источники начала XXI в. сохранили материалы о спорных ситуациях, произошедших между китайцами и африканцами уже на африканском континенте. В частности, в Найроби (Кения) в 2015 г. один из китайских ресторанов запретил вход в заведение африканцам в темное время суток [10]. Местные сразу же обвинили в расизме владельцев ресторана и все китайское сообщество в этой стране. Сами владельцы ресторана пояснили, что они просто боятся разбоя и грабежей. Большинство китайской аудитории в социальных медиа сожалело о том, что в объявлении об ограничениях хозяин заведения не указал причину этого решения. Китайская общественность призвала соотечественников за рубежом сплотиться для защиты общих интересов, в том числе коммерческих, а не искать виноватых среди местного населения (бизнес за границей нужно вести по правилам страны пребывания, а не навязывать там свои нововведения) [11].

К сожалению, часто взаимная терпимость в межнациональных отношениях формируется очень медленно. Особенно между народами, чьи представители совсем недавно по историческим меркам оказались в состоянии активного и во многом вынужденного взаимодействия (наш обзор охватил период продолжительностью чуть более 50 лет). Главная роль в этом процессе должна принадлежать государству. Когда КНР только устанавливал отношения со

странами Африки, власти страны отвергали саму возможность существования межрасовых конфликтов во взаимодействии китайцев и африканцев. В своем выступлении на одном из приемов для африканской стороны в 1963 г. Мао Цзэдун четко сформулировал позицию: «Проявления расовой дискриминации имеют место в Африке, Азии и во всех частях земного шара. Фактически же это классовая проблема. Наше единство не является единством, основанным на расовой принадлежности, а представляет собой союз единомышленников, союз друзей...» [12. С. 69–70].

Данная концепция развивала одно из традиционных представлений в рамках китайского мировосприятия о «великом единении» (*«да тун»*). Его идеал – это «великое единение» в рамках всего человечества. Мао Цзэдун и его соратники выросли в эпоху, когда «быть китайцем» означало не только национальную и расовую принадлежность, но и причастность к определенной культурной традиции. С момента же основания КНР ее границы и качественные характеристики подразумевали одно – нужно было быть «красным», и это не зависело от расовой и этнической принадлежности человека. Однако существующие противоречия нельзя было нивелировать одной многообещающей фразой, тем более когда геополитическая обстановка в мире регулярно изменялась.

Китай и Африка пытаются найти решение возникающих в повседневном общении китайцев и африканцев проблем через укрепление культурного сотрудничества сторон, потому что оно способствует взаимному узнаванию и принятию двух различных традиций. С приходом в китайско-африканские отношения в начале XXI в. своеобразного регулятора в виде механизма Форума китайско-африканского сотрудничества в план укрепления двусторонних отношений и углубления взаимопонимания между народами вошло проведение фестивалей культуры. В принятом по итогам четвертой конференции министров стран Форума в 2009 г. «Шарм-эль-Шейхском плане действий» было закреплено проведение праздников африканской культуры с периодичностью раз в два года на территории КНР: «В целях продолжения китайско-африканского культурного взаимодействия и сотрудничества стороны решили... создать бренд “Культура в фокусе” (вэньхуа цзюй цзяо). По четным годам проводить фестиваль “Культура Африки в фокусе” в Китае, по нечетным – “Культура Китая в фокусе” – в Африке» [13]. В Китае открыты две выставочные площадки: Музей Африки в Институте изучения Африки Чжэцзянского педагогического университета и Музей скульптуры народности маконде в Чанчуне. Научные центры страны ведут активную популяризацию знаний об Африке, ее населении, их традициях и культуре. Однако по ироничной случайности в Китае даже благие намерения иногда приобретают причудливые формы. В «Огоньке» Центрального телевидения Китая, посвященном празднованию китайского нового года в 2018 г., были интересные герои (положительные в представлении китайской стороны): китайка, загримированная под тучную африканскую женщину в пестром костюме (которая по сюжету хотела отдать свою дочь замуж вопреки ее воле, но как только узнала, что

дочка хочет учиться именно в Китае, перестала ее неволить и отпустила) и африканец в костюме обезьяны [14]. Последний пример показывает, насколько сложным является взаимодействие культур, когда у каждой из них есть свой образный ряд положительных и отрицательных персонажей и ролей (иногда прямо противоположных по значению), и когда другая сторона не проявляет должной тактичности в вопросах выражения своего представления о культуре визави по простому незнанию. Поэтому то, что может выглядеть как проявление расизма в глазах африканца, китаец не воспринимает как таковое.

Заключение. Повседневное взаимодействие китайцев и африканцев регулярно приводило к проблемам взаимопонимания. Изучение их поводов и причин показало, что объяснение спорных ситуаций так называемыми межрасовыми противоречиями служит занавесом, скрывающим широкий комплекс проблем двусторонних отношений и внутренней ситуации в этих странах. Представление китайцев о мировом всеединстве «*да тун*», идеологической и культурной общности народов Китая и его союзников отвергает саму идею расовых противоречий. Поводом большинства спорных ситуаций становились отклонения от норм в поведении африканцев и китайцев (нарушения регламентов, установленного распорядка проживания или работы). Причины конфликтов свидетельствуют о том, что в их основе лежат недостаточные знания друг о друге, непонимание представлений и мотивации поступков другой стороны, социальные противоречия, в том числе социально-имущественное неравенство и незаконная миграция. Внимание к расовым различиям в спорных ситуациях привлекалось китайцами в контексте обвинений африканцев в нарушении общественных и правовых норм и являлось вторичным.

© Зуева Е.Г., Минеева А.В., 2018

REFERENCES

- [1] The China-Africa Educational cooperation and exchange / He Ruitian. Beijing, 2005. [In Chinese].
- [2] Hevi E.J. An African Student in China. Lnd – Dunwow, 1963.
- [3] Zanzibar Students' Standpoint [2, P. 214–216]; Resolution of the Camerounian Students' [2, P. 217–220].
- [4] Liu Ph.Hs. A Brotherhood with the Blacks? Reviewing the Beijing African Students' Hunger Strike of 1962 // Mainland Chinese Studies. Vol. 54 No. 2. [In Chinese].
- [5] Crane G. T. Collective Identity, Symbolic Mobilization, and Student Protest in Nanjing, China, 1988–1989 // Comparative Politics. 1994. Vol. 26. No. 4. URL: <http://courses.arch.vt.edu/courses/wdunaway/gia5274/crane.pdf> (Date: 28.04.2013).
- [6] An African Died after Jumped out Escaping Migration Raid – More than One Hundred Africans Protest in Guangzhou // Nanfang Ribao. 15.07.2009. URL: <http://news.sohu.com/20090715/n265240007.shtml> (Date: 27.03.2018). [In Chinese].

- [7] Nigeria Insist on Investigation of the Nigerian’s Death in Guangzhou // BBC. 20.06.2012. URL: http://www.bbc.com/zhongwen/simp/chinese_news/2012/06/120620_nigeria_china_guangzhou (Date: 27.03.2018). [In Chinese].
- [8] Nigeria Hopes its Experts to Take Part in the Investigation of the Nigerian’s Death in China // Huanqiu Shibao. 21.06.2012. URL: <http://world.huanqiu.com/exclusive/2012-06/2840216.html> (Date: 27.03.2018). [In Chinese].
- [9] Nigeria Demands to Investigate a Nigerian’s Death in China and Hopes to Take Part in Forensic Medicine. URL: <http://news.sohu.com/20120621/n346175143.shtml> (Date: 27.03.2018). [In Chinese].
- [10] Chinese Restaurant Bans Black People. The case of Racism has Provoked Indignation in Society. URL: <https://m.sohu.com/n/410267717/> (Date: 29.03.2018). [In Chinese].
- [11] Chinese Online Reactions to #RACISTRESTAURANT IN NAIROBI. URL: <http://www.chinaafricaproject.com/nairobi-racist-restaurant-chinese-reaction-online-huang-hongxiang/> (Date: 23.01.2018).
- [12] Mao Zedong. The speech during the meeting with friends from Africa. Выступление на приеме друзей из Африки. 08.08.1963 / Mao Zedong speeches, haven’t been published in Chinese periodical. Vol. 4. Moscow, 1976. [In Russian].
- [13] Forum on China-Africa cooperation Sharm El Sheikh Action Plan. Point 6.1.2. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/zft/chn/xnyfgk/t627086.htm> (Date: 17.02.2018). [In Chinese].
- [14] Perlaz J. With Blackface and Monkey Suit, Chinese Gala on Africa Causes Uproar // The New York Times. 16.02.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/16/world/asia/china-africa-blackface-lunar-new-year.html> (Date: 12.02.2018).
- [15] Foreign Governments Urge to Investigate the African’s death in Guanzhou. URL: <http://bbs.tianya.cn/m/post-329-423980-1.shtml> (Date: 27.03.2018). [In Chinese].

THE CONCEPT OF “INTERRACIAL CONTRADICTION” IN CHINA-AFRICA RELATIONS: INTERPRETATION AND REALITY

E.G. Zueva, A.V. Mineeva

Peoples’ Friendship University of Russia
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

The article deals with the problems of everyday interaction between the Chinese and the Africans, interpreted in historiography and media as interracial contradictions. The article analyzes several headline making conflicts in everyday life provoked by the intensification of China and Africa bilateral relations (1962–2017), the historical context of the cases and ideological attitudes. Based on that data the conclusion is made, that the concept of “interracial contradictions” covers up the whole complex of social problems of Chinese society (social and wealth inequality and polarization of the population, lack of freedom of speech, illegal immigration, etc.), which often not directly related to the interaction between the Chinese and the Africans.

Keywords: China, Africa, interracial contradiction, conflicts, social discontent, illegal immigration

Информация об авторах / Information about the authors

Зуева Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail*: zueva_eg@rudn.university

Минеева Анна Владимировна – аспирантка кафедры всеобщей истории Российского университета дружбы народов. *E-mail*: mineeva.anna@mail.ru

Elena G. Zueva – Ph.D. in History, Associate Professor of the Department of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. *E-mail*: zueva_eg@rudn.university

Anna V. Mineeva – postgraduate student of the Department of the World History of the Faculty of Humanities and Social Sciences at RUDN University. *E-mail*: mineeva.anna@mail.ru

Для цитирования / For citations

Зуева Е.Г., Минеева А.В. Понятие «межрасовых противоречий» в китайско-африканских отношениях: интерпретация и реальность / Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ. 2018. ТОМ 10. № 2. С. 145–154. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-145-154.

Zueva E.G., Mineeva A.V. The Concept of “Interracial Contradiction” in China-Africa Relations: Interpretation and Reality / RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY. 2018. 10(2): 145–154. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-2-145-154.

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 04.02.2018